

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А.Аникиева

город Санкт-Петербург

31 января 2014 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

с участием представителя гражданина С.А.Аникиева – адвоката В.С.Цвиля, представителя Совета Федерации – доктора юридических наук А.С.Саломаткина, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В.Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина С.А.Аникиева. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н.В.Селезнева, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации – Е.А.Борисенко, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т.А.Васильевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно пункту 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации усыновителями могут быть совершеннолетние лица обоего пола, за исключением, в частности, лиц, имеющих или имевших судимость, подвергающихся или подвергавшихся уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконного помещения в психиатрический стационар, клеветы и оскорбления), половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, а также против общественной безопасности (абзац десятый).

Конституционность названного законоположения оспаривается гражданином С.А.Аникиевым, которому решением Коряжемского городского суда Архангельской области от 25 октября 2012 года (оставлено без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам Архангельского областного суда от 24 декабря 2012 года) было отказано в удовлетворении заявления об усыновлении родившегося 3 марта 2011 года ребенка – сына гражданки А., с которой заявитель с мая 2011 года проживает

совместно и с 24 декабря того же года состоит в зарегистрированном браке, на том основании, что в 2009 году за преступление, предусмотренное частью первой статьи 112 УК Российской Федерации (умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью), он подвергался уголовному преследованию, которое было прекращено в связи с примирением сторон (статья 25 УПК Российской Федерации).

Нарушение оспариваемым законоположением своих прав, гарантированных статьями 2, 7, 17–19, 38, 45, 46 и 49 Конституции Российской Федерации, С.А.Аникиев усматривает в том, что оно устанавливает для указанных в нем лиц, в том числе тех, в отношении которых начато уголовное преследование было прекращено по нереабилитирующему основанию, бессрочный и безусловный запрет на усыновление, исключая при этом возможность учета личности потенциального усыновителя и фактических обстоятельств, имеющих существенное значение для дела.

Соответственно, исходя из требований статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», абзац десятый пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку данное законоположение служит основанием для решения вопроса о возможности установления усыновления лицами, имеющими или имевшими судимость, подвергающимися или подвергавшимися уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за указанные в этом законоположении преступления.

2. Провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства, Конституция Российской Федерации

устанавливает, что Россия является демократическим правовым и социальным государством, в котором права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием и политика которого – исходя из ответственности перед нынешним и будущими поколениями, стремления обеспечить их благополучие и процветание – направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (преамбула; статья 1, часть 1; статья 2; статья 7, часть 1; статьи 17 и 18).

Исходя из того что семья, материнство и детство в их традиционном, воспринятом от предков понимании представляют собой те ценности, которые гарантируют непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа России, а потому нуждаются в особой защите со стороны государства, Конституция Российской Федерации закрепляет в статье 38 (части 1 и 2), что материнство и детство, семья находятся под защитой государства, а забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей. Соответственно, в основе правового регулирования семейных отношений лежат принципы государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства (статья 7, часть 2, Конституции Российской Федерации), приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии (статья 1 Семейного кодекса Российской Федерации).

При определении законодательных мер, гарантирующих реализацию прав и законных интересов ребенка как важнейшей конституционно значимой и социальной ценности, подлежат учету и требования международно-правовых актов, которые в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации являются составной частью правовой системы Российской Федерации. Так, Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года), признавая, что ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания, обязывает

подписавшие ее государства обеспечивать детям необходимые для их благополучия защиту и заботу, принимать все надлежащие законодательные, административные и другие меры для осуществления прав, признанных в Конвенции, признавать право каждого ребенка на уровень жизни, необходимый для его физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития (преамбула, пункт 2 статьи 3, статья 4 и пункт 1 статьи 27).

Согласно ранее принятым Генеральной Ассамблеей ООН Декларации прав ребенка (Резолюция 1386 (XIV) от 20 ноября 1959 года) и Декларации о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях (Резолюция 41/95 от 3 декабря 1986 года), ребенок ввиду его физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, а наилучшее обеспечение интересов ребенка и его потребность в любви и право на обеспеченность и постоянную заботу должны являться главным соображением при рассмотрении всех вопросов, связанных с передачей ребенка для заботы о нем не его собственными родителями.

Таким образом, как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, и Конституция Российской Федерации, и международно-правовые акты исходят из того, что одно из предназначений семьи – рождение и воспитание детей; при этом понятием «семья» – наряду с понятиями «материнство», «детство», «отцовство» – охватывается, как следует из сопоставления статьи 38 (часть 1) Конституции Российской Федерации с положениями ее статей 7 (часть 2), 23 (часть 1) и 72 (пункт «ж» части 1), особая сфера жизни человека, являющаяся объектом конституционного регулирования, которое конкретизируется в нормативных правовых актах федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации (определения от 5 июля 2001 года № 135-О и от 16 ноября 2006 года № 496-О).

Особая роль семьи в развитии личности, удовлетворении ее духовных потребностей и обусловленная этим конституционная ценность института семьи определяют необходимость уважения и защиты со стороны государства семейных отношений, одним из принципов регулирования которых является приоритет семейного воспитания детей и реализация которых, соответственно, предполагает не только заключение брака, но и закрепление правовой связи между родителем (лицом, его заменяющим) и ребенком. Одним из средств обеспечения этой связи применительно к детям, оставшимся без попечения родителей, служит возможность их передачи в семью на воспитание (усыновление (удочерение), под опеку или попечительство, в приемную семью либо в случаях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, в патронатную семью).

Перечисленные формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей, предусмотренные Семейным кодексом Российской Федерации (пункт 1 статьи 123), с одной стороны, имеют целью обеспечить таким детям надлежащие, в том числе эмоционально-психологические, условия для полноценного развития, а с другой – позволяют гражданам, в том числе тем, для кого биологическое материнство или отцовство исключено по медицинским показаниям, реализовать естественную потребность в осуществлении родительской заботы. Наличие возможности передать ребенка на воспитание в семью либо, если ребенок уже воспитывается в семье, – юридического оформления фактически сложившихся, содержательно раскрывающих понятие семьи по смыслу Конституции Российской Федерации, отношений согласуется с общеправовым принципом гуманизма, конституционными гарантиями семьи, материнства, отцовства и детства, а также с признанной семейным законодательством целью укрепления семьи. Что касается ограничений такой возможности федеральным законом, то они допустимы исключительно в целях защиты указанных конституционных ценностей, прежде всего – прав и законных интересов ребенка как наиболее уязвимой и зависимой стороны семейных отношений.

3. Наиболее предпочтительной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей, является усыновление (удочерение), которое, как следует из пунктов 1 и 2 статьи 124 Семейного кодекса Российской Федерации, допускается в отношении несовершеннолетних детей и только в их интересах с соблюдением требований абзаца третьего пункта 1 статьи 123 данного Кодекса, обязывающего учитывать при устройстве ребенка его этническое происхождение, принадлежность к определенной религии и культуре, родной язык, возможность обеспечения преемственности в его воспитании и образовании, а также полноценного физического, психического, духовного и нравственного развития.

Усыновление (удочерение) как гарантия обеспечения ребенку права на достойную жизнь распространяется не только на детей, оставшихся без попечения обоих родителей, но и на пасынков (падчериц), которые воспитываются в семье и усыновление (удочерение) которых не изменяет их статуса в качестве детей, имеющих родительское попечение, пусть и в лице единственного родителя (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2012 года № 6-О-О, от 22 ноября 2012 года № 2166-О и др.). Предоставление отчиму (мачехе) – при отсутствии другого родителя, лишении его родительских прав либо его согласии на усыновление (удочерение) – соответствующей возможности направлено на создание полноценной семьи, позволяет супругам в полной мере и равным образом осуществлять родительские права и обязанности, а для самого усыновленного ребенка, тем более при наличии у супругов общих детей, имеет существенное социально-психологическое и правовое значение, в том числе служит дополнительной гарантией равенства положения детей в семье.

3.1. Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении от 18 июля 2013 года № 19-П, правовое регулирование в сфере государственной защиты прав несовершеннолетних – исходя из требований Конституции Российской Федерации, ее статей 7 (часть 2), 20 (часть 1), 21 (часть 1), 22 (часть 1), 38

(часть 1) и 55 (часть 3), а также международно-правовых обязательств Российской Федерации – должно в приоритетном порядке гарантировать им защиту достоинства личности, права на жизнь, права на свободу и личную неприкосновенность, что предполагает, в частности, наличие законодательных мер, имеющих целью обеспечение безопасности каждого ребенка как непосредственно от преступных посягательств, так и от неблагоприятного воздействия на его нравственность и психику, которое может существенным образом повлиять на развитие его личности, даже не будучи выраженным в конкретных противоправных деяниях.

Поскольку усыновители, как и родители, имеют право и обязаны воспитывать своих детей, несут ответственность за их воспитание, обязаны заботиться об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии (абзацы первый и второй пункта 1 статьи 63 Семейного кодекса Российской Федерации), а ребенок, соответственно, имеет право на обеспечение его интересов, всестороннее развитие, уважение его человеческого достоинства, равно как и право на защиту от злоупотреблений со стороны родителей либо лиц, их заменяющих (абзац второй пункта 2 статьи 54 и пункт 2 статьи 56 Семейного кодекса Российской Федерации), федеральный законодатель – в целях максимального обеспечения интересов несовершеннолетних, для которых противостояние негативному влиянию либо преступным посягательствам невозможно или затруднено в силу возраста, – вправе предусматривать обусловленные необходимостью защиты конституционно значимых ценностей ограничения в отношении усыновления детей гражданами, поведение и морально-нравственные качества которых могут представлять угрозу для здоровья ребенка и формирования его личности.

Соответствующее регулирование применительно к усыновлению осуществлено федеральным законодателем в Семейном кодексе Российской Федерации, согласно пункту 1 статьи 125 которого усыновление производится судом по заявлению лиц (лица), желающих усыновить ребенка;

рассмотрение дел об установлении усыновления ребенка производится судом в порядке особого производства по правилам, предусмотренным гражданским процессуальным законодательством, с обязательным участием самих усыновителей, органов опеки и попечительства, а также прокурора. Помимо процедуры усыновления, наделяющей суд полномочиями, необходимыми для оценки всех обстоятельств дела об установлении усыновления, в том числе для оценки личности потенциального усыновителя, Семейный кодекс Российской Федерации определяет в статье 127 круг лиц, которые могут быть усыновителями, исключая из него некоторые категории граждан, осуществление которыми воспитания ребенка не допускается.

Само по себе установление ограничений права на усыновление ребенка отвечает международным обязательствам Российской Федерации и согласуется с закрепленными Федеральным законом от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» целями государственной политики в интересах детей, включая осуществление предусмотренных Конституцией Российской Федерации прав детей, недопущение их дискриминации, упрочение основных гарантий их прав и законных интересов, формирование правовых основ гарантий прав ребенка, содействие физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей и защиту от факторов, негативно влияющих на их развитие (пункт 1 статьи 4). Вместе с тем, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, при введении тех или иных ограничений, обусловленных конституционно одобряемыми целями, федеральный законодатель связан конституционным принципом соразмерности и вытекающими из него требованиями адекватности и пропорциональности используемых правовых средств.

Закрепляющая право на уважение частной и семейной жизни статья 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ее истолковании Европейским Судом по правам человека также обязывает национальные власти обеспечивать соблюдение справедливого баланса между

конкурирующими интересами и при определении такого баланса особое значение придавать интересам ребенка, которые в зависимости от их характера и важности могут иметь приоритет над аналогичными интересами родителей (постановление от 22 июня 2004 года по делу «Пини и Бертани, Манера и Атрипальди (*Pini & Bertani, Manera & Atripaldi*) против Румынии», решение от 24 ноября 2005 года по вопросу приемлемости жалобы «Владимир Лазарев и Павел Лазарев против России»).

Соответственно, вводимые федеральным законодателем ограничения вытекающего из Конституции Российской Федерации и находящегося под защитой государства права на усыновление детей не должны влечь несоразмерного, не согласующегося с конституционным статусом личности ограничения конституционных прав в указанной сфере и тем самым препятствовать надлежащему обеспечению как интересов семьи в целом, так и интересов усыновляемого ребенка.

3.2. Определяя круг лиц, которые могут быть усыновителями, статья 127 Семейного кодекса Российской Федерации исключает возможность усыновления для лиц, имеющих или имевших судимость, подвергающихся или подвергавшихся уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконного помещения в психиатрический стационар, клеветы и оскорбления), половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, а также против общественной безопасности (абзац десятый пункта 1).

Введение запрета на усыновление детей лицами, указанными в названном законоположении, преследует цель предупредить возможное негативное воздействие таких лиц на жизнь, физическое и психическое здоровье усыновляемых детей, на формирование их как личностей, а потому – по смыслу статей 7 (часть 2) и 38 (часть 1) Конституции Российской

Федерации, под защитой которых находятся семья, материнство, отцовство и детство, – в основе поиска баланса указанных конституционных ценностей при оценке соответствующих законодательных ограничений должен лежать именно принцип максимального обеспечения интересов ребенка.

Поскольку, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, на современном этапе развития общества невозможно гарантировать надлежащее исправление лиц, совершивших преступление, таким образом, чтобы исключить вероятность рецидива преступлений, федеральный законодатель – с тем чтобы минимизировать риски для жизни, здоровья и нравственности именно несовершеннолетних как основы будущих поколений и при этом наиболее беззащитной и уязвимой категории граждан, находящейся под особой охраной Конституции Российской Федерации (преамбула; статья 7, часть 2; статья 20, часть 1; статья 21, часть 1; статья 22, часть 1; статья 38, часть 1), – был вправе ограничить для таких лиц право на усыновление.

Данный вывод – с учетом специфики семейных отношений – распространяется прежде всего на лиц, имеющих или имевших судимость либо подвергавшихся уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за тяжкие и особо тяжкие преступления из числа указанных в абзаце десятом пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации, а также преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности независимо от степени тяжести, поскольку, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 18 июля 2013 года № 19-П, сам факт их совершения – в силу особенностей объекта посягательства, тяжести последствий таких преступлений – свидетельствует об опасности этих лиц для жизни, здоровья и нравственности несовершеннолетних, которые, как правило, беззащитны перед взрослыми и находятся в зависимом от них положении, притом что каждодневный эффективный контроль за выполнением усыновителями родительских функций практически невозможен. Лишение таких лиц права

усыновить ребенка представляет собой, таким образом, правомерное ограничение данного права, введение которого преследует конституционно значимые цели и не нарушает критерии соразмерности, вытекающие из статей 19 (части 1 и 2) и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации.

Не может расцениваться как нарушающее конституционный принцип соразмерности и ограничение права на усыновление детей, предусмотренное для лиц, уголовное преследование в отношении которых за совершение указанных в абзаце десятом пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации преступлений не завершено, поскольку рассмотрение вопроса о возможности усыновления таким лицом ребенка не исключается впоследствии, если по делу будет постановлен оправдательный приговор либо если уголовное дело будет прекращено по реабилитирующему основанию.

3.3. Конституция Российской Федерации, допуская в силу статьи 55 (часть 3) в отношении лиц, имеющих судимость, возможность закрепления федеральным законом определенных, сохраняющихся после отбытия ими уголовного наказания дополнительных обременений, которые обусловлены в том числе общественной опасностью таких лиц, адекватны ей и связаны с обязанностью нести ответственность за виновное поведение, требует безусловного соблюдения предусмотренных ею гарантий прав личности и исходит из необходимости обеспечения справедливости соответствующих ограничений, их соразмерности защищаемым конституционным ценностям.

Исходя из приведенной правовой позиции, Конституционный Суд Российской Федерации в постановлениях от 19 марта 2003 года № 3-П и от 18 июля 2013 года № 19-П признал, что сроки ограничения права на осуществление педагогической и иной профессиональной деятельности в сфере образования, воспитания и развития несовершеннолетних, равно как и пассивного избирательного права должны, по общему правилу, соотноситься со сроками судимости, предусмотренными Уголовным кодексом Российской Федерации. Тем более является конституционно

допустимым запрет на осуществление права на усыновление детей лицами, судимость которых не снята или не погашена.

Вместе с тем в число преступлений, с которыми связывается данный запрет, федеральный законодатель включил и преступления, относящиеся к категориям небольшой и средней тяжести, в частности неосторожные. И хотя отнюдь не каждое из достаточно широкого перечня видов преступлений, закрепленного в абзаце десятом пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации (например, преступления против общественной безопасности, предусмотренные частью первой статьи 215 «Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики», частью первой статьи 215¹ «Прекращение или ограничение подачи электрической энергии либо отключение от других источников жизнеобеспечения» или частью первой статьи 216 «Нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ» УК Российской Федерации), содержательно увязано с невозможностью осуществления лицом, которому оно вменялось, воспитания усыновленного ребенка, сам факт совершения такого преступления, как сопряженного с неосторожностью либо свидетельствующего о наличии умысла, позволяет усомниться в том, что это лицо обладает личностными качествами, необходимыми для заботливого воспитания ребенка, по крайней мере без риска для его жизни и здоровья.

Следовательно, с учетом правовой позиции, выраженной Конституционным Судом Российской Федерации в постановлениях от 19 марта 2003 года № 3-П и от 18 июля 2013 года № 19-П, федеральный законодатель вправе ограничить в конституционно значимых целях возможность усыновления детей лицами, имевшими судимость за те из указанных в абзаце десятом пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации преступления, которые не относятся к категориям тяжких и особо тяжких преступлений, а также к преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы личности независимо от степени тяжести, постольку, поскольку имеются основания полагать, что

совершившее такое преступление лицо, будь оно усыновителем, представляло бы угрозу для жизни, здоровья и нравственности ребенка.

Однако абзац десятый пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации предполагает отказ таким лицам в усыновлении ребенка в любом случае, независимо от каких бы то ни было обстоятельств. В силу императивного характера данного законоположения суду, рассматривающему дело об установлении усыновления, для отказа потенциальному усыновителю в удовлетворении заявленного требования достаточно формального подтверждения одного только факта привлечения его к уголовной ответственности за совершение любого из перечисленных в этом законоположении преступлений, без учета обстоятельств, имеющих значение для оценки возможности лица – с точки зрения защиты гарантированных Конституцией Российской Федерации прав несовершеннолетних – быть усыновителем, в том числе обстоятельств совершенного преступления, срока, прошедшего с момента его совершения, формы вины, а также обстоятельств, характеризующих личность (деятельное раскаяние, стремление загладить причиненный вред, последующее поведение и т.д.).

4. Как следует из статей 49 и 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации в их взаимосвязи, соблюдение фундаментальных процессуальных гарантий прав личности, включая презумпцию невиновности, должно обеспечиваться и при разрешении вопроса о прекращении уголовного преследования; принимая соответствующее решение на досудебных стадиях уголовного процесса, компетентные государственные органы должны исходить из того, что лица, в отношении которых уголовное преследование прекращается, виновными в совершении преступления не признаны, а значит, и не могут быть названы таковыми, – в конституционно-правовом смысле эти лица могут считаться лишь привлекавшимися к участию в уголовном судопроизводстве на соответствующей стадии ввиду выдвижения против них подозрения или обвинения.

Опираясь на правовые позиции, выраженные в постановлениях от 28 октября 1996 года № 18-П и от 14 июля 2011 года № 16-П, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 18 июля 2013 года № 19-П пришел к выводу, что в случае прекращения в отношении лица уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям вопрос, может ли это лицо представлять опасность для жизни, здоровья и нравственности несовершеннолетних, остается непроясненным, а следовательно, в таких случаях – имея в виду приоритет прав несовершеннолетних – не исключается возможность ограничения права этого лица на занятие педагогической деятельностью даже при отсутствии вступившего в законную силу приговора. Данный вывод – исходя из принципа максимальной защиты прав и законных интересов ребенка – применим и к лицам, желающим реализовать свое право на усыновление.

Более того, безусловный запрет на усыновление детей – хотя по смыслу абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации он действует в отношении лиц, уголовное преследование которых прекращено по любому из предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации нереабилитирующих оснований, притом что некоторые из этих оснований сами по себе свидетельствуют об оценке деяния и личности предположительно совершившего его лица как утративших общественную опасность, – может рассматриваться как ограничение права этого лица на усыновление ребенка, несоизмеренное конституционно значимым целям его введения.

Так, согласно части первой статьи 75 УК Российской Федерации лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию преступления, возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным.

При этом, как разъясняется в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», деятельное раскаяние может влечь освобождение от уголовной ответственности только в том случае, когда лицо вследствие этого перестало быть общественно опасным; разрешая вопрос об утрате лицом общественной опасности, суды учитывают всю совокупность обстоятельств, характеризующих поведение лица после совершения преступления, а также данные о его личности (пункт 4).

В соответствии со статьей 76 УК Российской Федерации от уголовной ответственности может быть освобождено также лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред, а в статье 25 УПК Российской Федерации закреплено правило, согласно которому суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в связи с примирением сторон. В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Определении от 21 июня 2011 года № 860-О-О, указание в названных статьях на возможность освобождения от уголовной ответственности, на право (а не обязанность) прекратить уголовное дело не означает произвольное разрешение данного вопроса уполномоченным органом или должностным лицом, которые, рассматривая заявление о прекращении уголовного дела, не просто констатируют наличие или отсутствие закрепленных в законе оснований для этого, а принимают соответствующее решение с учетом всей совокупности обстоятельств, включая вид уголовного преследования, особенности объекта преступного посягательства, наличие выраженного свободно, а не по принуждению волеизъявления потерпевшего, чье право, охраняемое уголовным законом, нарушено в результате преступления,

изменение степени общественной опасности деяния после заглаживания вреда, личность подозреваемого, обвиняемого, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность.

Кроме того, абзац десятый пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации не позволяет учесть и специфику прекращения уголовного преследования по делам частного обвинения (часть первая статьи 115, часть первая статьи 116 и часть первая статьи 128¹ УК Российской Федерации) за преступления, которые относятся к числу не представляющих значительной общественной опасности. Поскольку, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 18 июля 2013 года № 19-П, уголовные дела частного обвинения возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего (его законного представителя) и в случае примирения потерпевшего с обвиняемым подлежат обязательному прекращению (часть вторая статьи 20 и часть первая статьи 318 УПК Российской Федерации), суд в этих случаях обстоятельства уголовного дела не рассматривает и фактически не устанавливает наличия или отсутствия как самого деяния, так и иных признаков состава преступления, и, соответственно, преступного характера поведения лица, обвиняемого по делу.

Вместе с тем сама по себе относительно незначительная – сопоставимо с другими преступлениями – общественная опасность таких деяний позволяет отнести прекращение уголовного преследования по делам частного обвинения в связи с примирением сторон к нереабилитирующим основаниям прекращения уголовного преследования, в связи с применением которых бессрочный и безусловный запрет на усыновление может быть признан чрезмерным, тем более что в любом случае при решении вопроса о возможности усыновления ребенка лицом, в отношении которого было выдвинуто частное обвинение, суд наряду с другими факторами, позволяющими оценить возможность обеспечения этими лицами в качестве усыновителей полноценного физического, психического, духовного и нравственного развития детей без риска подвергнуть опасности их жизнь,

здоровье и нравственность, должен во всяком случае определить, представляет ли общественную опасность сам потенциальный усыновитель.

5. Таким образом, абзац десятый пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 7 (часть 2), 19 (часть 1), 38 (части 1 и 2), 46 (часть 1) и 55 (часть 3), в той мере, в какой предусмотренный им запрет на усыновление детей распространяется на лиц, имевших судимость за указанные в данном законоположении преступления (за исключением относящихся к категориям тяжких и особо тяжких преступлений, а также преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности независимо от степени тяжести), либо лиц, уголовное преследование в отношении которых в связи с преступлениями, не относящимися к категориям тяжких и особо тяжких, а также преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы личности, было прекращено по нереабилитирующим основаниям, – постольку, поскольку в силу безусловного характера данного запрета суд при рассмотрении дел об установлении усыновления, в том числе в случаях, когда потенциальный усыновитель (при наличии фактически сложившихся между ним и ребенком отношений и с учетом характера совершенного им или вменявшегося ему деяния) способен обеспечить полноценное физическое, духовное и нравственное развитие усыновляемого ребенка без риска подвергнуть опасности его психику и здоровье, не правомочен принимать во внимание обстоятельства совершенного преступления, срок, прошедший с момента его совершения, обстоятельства, характеризующие личность, в том числе поведение лица после совершения преступления, а также иные существенные для дела обстоятельства.

Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

П О С Т А Н О В И Л :

1. Признать абзац десятый пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой предусмотренный им запрет на установление усыновления детей, как направленный на предотвращение опасности для жизни, здоровья, нравственности несовершеннолетних, распространяется:

на лиц, имеющих или имевших судимость, подвергающихся или подвергавшихся уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за указанные в данном законоположении преступления, относящиеся к категориям тяжких и особо тяжких преступлений, а также за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности независимо от степени тяжести;

на лиц, имеющих судимость либо подвергающихся уголовному преследованию за иные указанные в данном законоположении преступления;

на лиц, имевших судимость либо подвергавшихся уголовному преследованию за иные указанные в данном законоположении преступления, – постольку, поскольку на основе оценки опасности таких лиц для жизни, здоровья и нравственности усыновляемого обеспечивается соразмерность введенного ограничения целям государственной защиты прав несовершеннолетних.

2. Признать абзац десятый пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 7 (часть 2), 19 (часть 1), 38 (части 1 и 2), 46 (часть 1) и 55 (часть 3), в той мере, в какой предусмотренный им запрет на усыновление детей распространяется на лиц, имевших судимость за указанные в данном законоположении преступления (за исключением относящихся к категориям тяжких и особо тяжких преступлений, а также преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности независимо от степени тяжести), либо лиц, уголовное преследование в отношении которых в связи с

преступлениями, не относящимися к категориям тяжких и особо тяжких, а также преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы личности, было прекращено по нереабилитирующим основаниям, – постольку, поскольку в силу безусловного характера данного запрета суд при рассмотрении дел об установлении усыновления, в том числе в случаях, когда потенциальный усыновитель (при наличии фактически сложившихся между ним и ребенком отношений и с учетом характера совершенного им или вменявшегося ему деяния) способен обеспечить полноценное физическое, духовное и нравственное развитие усыновляемого ребенка без риска подвергнуть опасности его психику и здоровье, не правомочен принимать во внимание обстоятельства совершенного преступления, срок, прошедший с момента его совершения, форму вины, обстоятельства, характеризующие личность, в том числе поведение лица после совершения преступления, а также иные существенные для дела обстоятельства.

3. Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом основанных на них правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в том числе в настоящем Постановлении, – внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения, вытекающие из настоящего Постановления.

Впредь до внесения в действующее правовое регулирование надлежащих изменений при применении абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации к лицам, имевшим судимость либо подвергавшимся уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за преступления из числа указанных в данном законоположении (за исключением тяжких и особо тяжких преступлений, а также преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности независимо от степени тяжести), суд не вправе формально отказать им в установлении усыновления и должен рассмотреть

вопрос о возможности такового по существу. Это не снимает с суда обязанности оценить, в том числе с учетом совершения или возможного (в случае прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям) совершения указанными лицами преступления, насколько усыновление ребенка конкретным лицом соответствует цели максимальной защиты прав и законных интересов усыновляемого, обеспечения его полноценного физического, психического, духовного и нравственного развития без риска быть подвергнутым какой-либо опасности.

4. Судебные постановления по делу гражданина Аникиева Сергея Александровича, основанием для вынесения которых абзац десятый пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации послужил в той мере, в какой настоящим Постановлением он признан не соответствующим Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации